

Сбежавшие сестры

Сэнди Тейлор

Глава вторая

Мне было тринадцать, и всю свою жизнь я провела в Рэннли-Корте. Здесь был мой дом. Ничего другого я не знала и знать не желала. Это было четырехэтажное многоквартирное здание из кирпича. В квартиры мы попадали, поднимаясь по общей лестнице. На каждом этаже жили разные семьи, по две на этаже, а всего восемь. Я знала всех жильцов, ежедневно спускавшихся и поднимающихся по этим каменным ступенькам. Сквозь тонкие стены я привыкла слышать радостный смех и отчаянные рыдания соседей, все их ссоры и праздники. Наша жизнь напоминала радиоспектакль, транслирующийся для всех вокруг. Не сказать, что все всегда шло гладко, но зато мы заботились друг о друге, особенно женщины. Мужчины появлялись и снова уходили в поисках работы, на войну или в погоне за мечтой, а вот женщины оставались на месте: сильные, деловые, практичные. Денег ни у кого не водилось, но все были готовы поделиться с соседом в нужде. И смех: по квартирам всегда разносился добродушный смех.

Улицы и переулки вокруг Рэннли-Корта заменили мне площадку для игр, а Темза, чьи воды шумели за домом, стала для меня океаном. Я знала все ломбарды и пабы в округе, все заводы и магазины. Мне нравилось наблюдать, как женщины выходят из ворот

кондитерской фабрики, покрытые желтой пылью. Интересно было смотреть, как они, источая ароматы ванили и сахара, снимают платки и вытряхивают из волос пыль, оставляющую на лицах тонкую желтоватую вуаль. Я хорошо относилась к соседским детям, корчила рожицы сборщику квартплаты, улыбалась старьевщику и его старой тощей кобылке. Она была славная. Хозяин звал ее Беллой и всегда нацеплял ей на морду специальную торбу с овсом, когда шел обедать в паб. Я любила гладить Беллу по холке. Ее шкура была теплой и мягкой, и, когда я прикасалась к ней, лошадка всегда слегка вздрагивала.

Я здоровалась с красивыми дамами, которые стояли на углах улиц, накрашенные яркой помадой, с ногтями, покрытыми красным лаком. Дамы смотрели на меня сквозь завесу сигаретного дыма и называли уточкой и ягненокком. Я мечтала, что однажды вырасту такой же красивой, как они. Время от времени я бегала по поручениям пожилых соседей, которым было тяжело спускаться и подниматься по лестнице. Я неслась со всех ног, стараясь за рекордное время домчаться до магазина спиртного и обратно с четвертушкой джина или к мяснику за свиными шкурками. Иногда я гуляла возле доков с сопливыми младенцами в колясках. У меня были младшие брат и сестра, так что соседи охотно доверяли мне детей. Мне нравилось с ними гулять. Я разговаривала с малышами, рассказывала что-нибудь, и даже детишки покрупнее, которые уже умели сидеть, слушали меня, вместо того чтобы пытаться выбраться из коляски. Я всегда следила, чтобы они не простудились: застегивала им вязаные чепчики, передаваемые из поколения в поколение, и не забывала подоткнуть вязаные одеяльца.

Добравшись до доков, где пахло грязной от мазута водой и гниющими растениями и ветер разносил крики чаек, мы останавливались и смотрели, как полураздетые рабочие грузят на баржи тяжелые мешки с сахаром производства фабрики «Тейл энд Лайл». Мы держались в сторонке. Портовые грузчики были людьми суровыми, это знали все. До войны мой папа тоже здесь работал. Он гордился своей работой и часто говорил, что у них тут настоящее братство. Грузчиками брали только настоящих работяг, потому что работы на всех не хватало и спрос на такие места был огромный. Отец и его товарищи постоянно боялись травм, ведь тогда они не смогли бы работать и всей семье пришлось бы туго.

Я любила наблюдать за работой этих людей, смотреть на баржи и представлять, что было бы, если бы я забралась на одну из них и отправилась вниз по реке. Мне казалось, что повсюду так же, как в Бермондси, ведь ничего другого я не знала. В Бермондси было все, что нужно для жизни. С чего это в других местах будет иначе?

Мы с Олив часто относили отцу обед — хлеб со свиным салом. Отец отводил нас в сторону, подальше от места работы и других грузчиков. Мы садились рядом с ним на причале, свесив ноги вниз, и смотрели на проходящие по черной воде баржи и корабли. Река была, наверное, в милю шириной и такая глубокая, что даже вообразить трудно. Папа показывал нам большие корабли, которые пришли издалека, например из Австралии и Новой Зеландии, и, как мог, старался описать нам эти страны, пусть даже сам никогда там не был. Мне они все представлялись похожими на Бермондси, с той

только разницей, что там светило солнце и жили кенгуру.

Мой брат Тони обожал реку, и ему часто доставалось за то, что он вместо школы весь день проводил здесь. Он прочесывал илистый берег в поисках сокровищ. Там попадались куски угля и дерева, а порой он находил косточку, которую приносил домой для соседских собак, или даже монетку, затерявшуюся в грязи. Братец возвращался, по колено испачканный высохшим серым илом, и мама отсылала его на улицу мыть ноги, чтобы он не тащил грязь в квартиру.

Маму очень беспокоило, что Тони столько времени проводит на реке. Она знала, что иногда он заходит в воду, чтобы вытащить деревяшки покрупнее для нашей печки. Дрова нам и вправду были нужны, но мама боялась, что однажды его собьет с ног волной от проходящего судна или смочет в реку и он утонет. Если он долго не возвращался, она начинала думать, что он увяз в топкой грязи или нашел что-то ценное и его избили и ограбили взрослые, которые зарабатывали на жизнь, собирая выброшенные на берег «сокровища». Иногда на реке находили и мертвецов: трупы тех, кто упал за борт, кинулся с моста или был убит. Мама до ужаса боялась, что Тони наткнется на труп. А вот сам Тони ничего не боялся. Он любил реку. Она его не пугала, как бы мать ни старалась его убедить. Он мечтал работать в доках, когда подрастет, — хотел быть как папа.

Нам очень повезло, потому что у нас был самый лучший папа во всем Бермондси — и даже в целом Лондоне. Великан с ярко-рыжими волосами и такой же рыжей густой бородой, с синими глазами и улыбкой, которая освещала все вокруг. Он не имел привычки напиваться

в стельку, как большинство мужчин, живших в нашем доме, и никогда не бил нас. По словам мамы, она сразу поняла, что он хороший человек, когда познакомилась с ним на танцах, и оказалась права. Когда объявили войну, он сразу пошел записываться добровольцем.

Я все время беспокоилась о нем, но мама говорила, что с ним все будет хорошо, потому что в Бермондси мало рыжих. Значит, Боженька будет хранить его, чтобы поддерживать их число. Я сама не знала, верю ли в это, но изо всех сил цеплялась за надежду, что так оно и есть. Мама никогда не признавалась, что тоже переживает за папу, хотя не стеснялась говорить о том, как волнуется за Тони. Казалось бы, это должно было меня успокоить, но, будучи уже достаточно взрослой, я не могла не заметить, что мама легко говорила вслух о всякой чепухе, а о том, что действительно важно, предпочитала молчать. Я не представляла, что мы будем делать, если не станет папы. Я просто не могла себе этого вообразить, поэтому старалась не думать.

Темза находилась прямо за домами, и когда война разыгралась в полную мощь, авианалеты на доки стали почти ежедневными. Администрация выделила всем семьям в Рэннли-Корте убежища Моррисона — это такие крепкие металлические клетки, которые можно было использовать и как столы. Мы поставили свое убежище под лестницей, у капитальной стены. Когда звучала сирена, мы забивались туда, и мама пела нам песни своим чистым голосом, пока не раздавался сигнал отбоя тревоги. Бомбы пугали, зато после себя они оставляли прекрасные площадки для игр. Каждый день после уроков дети, в особенности мальчишки, бежали на руины играть в войну или в ковбоев и индейцев.

Девочки играли в дочки-матери и в магазин на месте уничтоженных домов. Под вечер мальчишки расходились по домам со ссадинами на коленях и в изодранных штанах, но довольные и беззаботные.

Если в Рэннли-Корте случалось что-нибудь нехорошее, жильцы разбирались сами. Однажды вечером мистер Браун, который вечно напивался в стельку, избил свою семью до полусмерти. Никто не стал вызывать ни скорую, ни полицию. Женщины позаботились о пострадавшем семействе, а мужчины разобрались с мистером Брауном. По правде говоря, с тех пор его никто не видел. Миссис Браун повеселела, обрела здоровую полноту и сошлась с молочником, у которого не хватало мочки уха. Зато он был добрый и заботился о миссис Браун и детях. Так уж повелось: в Бермондси своих в обиду не давали, и, по словам мамы, так было всегда.

Таким был мой родной уголок Ист-Энда, и я любила его. Поздним вечером я, бывало, лежала в кровати и слушала, как из «Орла и короны» вываливаются посетители, во весь голос распевая «Нелли Дин» и «Выкатывай бочку». Вот такие ист-эндские колыбельные убаюкивали меня по ночам.